

13 ОКТ 1984

Звезда
г. Пермь

КАЖДЫЙ РАЗ — ЗА НОВО

Ваш собеседник — народный
артист РСФСР Эдуард Пелагейченко

СПЕКТАКЛЬ, в котором дебютировал на Пермской сцене Эдуард Пелагейченко, давно принадлежит истории. Но в памяти тех, кто впервые услышал певца в опере Чайковского «Иоланта», до сих пор живет звонкое и радостное чувство молодости и оптимизма, что принес он с собой на сцену. Реплики юного рыцаря Водемона с легкостью завоевывали зрительный зал, а он совсем не думал о том, чтобы понравиться, этот молодой выпускник Новосибирской консерватории. Он радовался и искренне восхищался лучезарной музыкой Чайковского, наделившей его героя великой силой созидания, поэтическим видением мира. Свежо и улыбочиво в его устах звучали в общем-то проходные фразы: «Я — Готфрид Водемон, граф из Содюна, Шампани Клермо и Монтаржи, друг герцога Бургундии Роберта».

Он был истинным рыцарем — романтически устремленным, по-юношески пылким, готовым помочь несчастному, защитить обиженного, подать руку отчаявшемуся. Потому твердо и уверенно рассказывал он Иоланте о волшебной силе света, о великом даре природы — видеть мир, внимать его чудесным звукам, радоваться всему сущему.

И кто бы мог подумать, что совсем недавно Эдуард Пелагейченко был инженером-металлургом, а еще раньше — рабочим-литейщиком.

— Был это в Барнауле, и первые свои рабочие дни я проводил под пристальным наблюдением отца. Так что можно говорить о преемственности поколений — так, в сущности оно и было. Потом был Алтайский политехнический институт — механико-технологический факультет, куда поступил, признаюсь, без особого труда. Учебка заинтересовала. Так в жизни бывает, думаю, часто: когда есть определенный практический опыт, когда выработался вкус к работе, то весьма любопытным становится и теоретическое освоение азов избранного дела. Это ведь как закон — чем больше умеешь, тем больше хочешь знать, тем острее ощущаешь потребность в доскональном овладении профессией. Знание одного порядка неизменно влечет за собой знание другого — более высокого свойства, — это мы уже потом, в институте усвоили, изучая общественные науки.

После окончания института меня направили в Хабаровск, на завод, инженером-механиком литейного производства. Отливали котлы, радиаторы, трубы. Я был мастером в цехе. Дальше — должность конструктора в отделе металлурга. Да, и еще один завод — в Новосибирске...

— Ох, что-то вы хитрите, Эдуард Иванович. Битый час втолковываете мне о преимуществах одного способа литья над другим и ни слова о музыке. Вы вон уже и гимн закончили, и партию сегодняшнюю по клавиру повторили, через полчаса — спектакль. А мы все о заводе, да о заводе. Что же увлеченности пением в ту пору для вас не существовало?

— Как-то раз, — Пелагейченко улыбается, — прочел о себе статью в журнале «Музыкальная жизнь». Автор, профессиональный журналист, писал увлеченно, взволнованно.

Когда-то мы с ним, так же как с вами, беседовали перед спектаклем в гримировочной. Так вот, он писал про то, что в веселом повизгивании металла молодому рабочему Барнаульского станкостроительного завода слышались звуки могучего симфонического оркестра, а сонм брызжащих искр представлял в воображении рабочего паренка огнями театральной рампы...

— И что же, не представлял?

— Про журналиста плохо не скажу. Статья вышла ладная. И он, в конце концов, имеет право на художественный образ. Только, знаете ли, музыка существовала в моей жизни не вместе с основной профессией, а как бы параллельно, на правах увлечения. Извините за каламбур, но вы вот пишете о театре, а в свободное от работы время, кто вас знает, может штудируете основы литейного производства? Не смейтесь!

— Не смеюсь, и даже принимаю вашу мысль, как мне кажется. Вы ведь поднимаете важную проблему, очень жизненную и актуальную. Об отношении человека к делу, о верности, о любви к избранному труду. О целенаправленности жизненного пути. И что же музыка?..

— Музыка помогла необычайно. Она учила творчеству, она наполняла годами отлаженный трудовой процесс каким-то высоким жизненным смыслом, а трудовые будни делала праздниками. В жизни ведь ничто не существует изолированно друг от друга, если мы только не обкрадываем себя сами, замыкаясь в узкопрофессиональных рамках. Физику всегда хочется почувствовать себя лириком, и наоборот: лирик, художник, поэт нередко испытывает влечение к точным наукам! Мне повезло — я вку-

сил и то, и другое. И поверьте, такие актуальные разговоры, как о разностороннем воспитании личности, выведенные сегодня на уровень общегосударственных задач, имеют под собой громадное основание. Свою жизнь, не считите нескромным, в какой-то степени считаю тому подтверждением. Состоялся ли я как музыкант — судить не мне. А вот человеческое предназначение стараюсь осуществлять: получаю от труда радость. И согласитесь, не столь уж и важно — артист ты или рабочий, главное — отдавать себя работе без остатка, служить избранному делу последовательно и самозабвенно. Вот и в речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Константина Устиновича Черненко на юбилейном пленуме правления Союза писателей СССР прозвучала мысль, в которой нахожу полное подтверждение своим словам; о том, что творческий характер труда, творческий подход к делу сегодня являются отличительной чертой каждого интеллигента — ученого, инженера, учителя, врача. И, разумеется, каждого рабочего, всех, кто добросовестно трудится на благо нашей Родины.

Прозвенел третий звонок. Эдуард Иванович отправился на сцену, чтобы не пропустить свой выход. Уходя, пошутил: «О музыке, действительно, что-то сегодня не получилось. Но вы ведь можете пойти в зал, послушать. Пелагейченко-шрифтовщика и Пелагейченко-инженера увидеть сегодня невозможно, но есть Пелагейченко-певец...».

ОН ВЫБРАЛ театр, не изменив своему прошлому, своей рабочей юности. По сути, те далекие трудовые годы и сформировали его как артиста, как художника, залю-

бив в нем нравственные основы, которые и позволяют актеру выходить на «кафедру, с которой можно сказать людям много добра».

В беседе Эдуард Иванович сказал: «На сцену, как когда-то в цех, я каждый вечер выхожу как бы заново. Интересно, как сложится спектакль сегодня, как поведет себя мой герой... Только сейчас понимаю — до чего же похожи обе мои профессии — рабочий и певец. Обе — творческие».

Каждый раз — заново...

Пелагейченко в любой своей работе стремится раскрыть глубокий внутренний мир персонажа. Необычен его Юродивый («Борис Годунов» Мусоргского). Артист лишает роль некоего ореола «блаженности», чужаковости. Голос — тверд и уверен, нет в нем деланной теноровой характерности, но есть плотность звучания, строгость и собранность интонации. Его герой как бы ожившая совесть России, олицетворение народного духа — забытого и угнетенного, но не сломленного, зовущего к возмездию, предупреждающего правый суд истории.

Казалось бы, короткий эпизод оставлен певцу в этой опере, а вырастает он до высокого художественного обобщения. И доказывает: Пелагейченко не просто одаренный вокалист, в совершенстве владеющий голосом, он — талантливый драматический актер, тонко чувствующий и музыкальный стиль, и жанровый строй оперы, и музыкально-сценическую природу персонажа.

О подвижности артистического дара Эдуарда Пелагейченко свидетельствует, в частности, такая его работа, как граф Альмавива в «Севильском цирюльнике» Дж. Россини. Его герой, ничтоже сумняшеся, пускается в фейерверк забавных комических ситуаций, дабы соединить свою судьбу с судьбой красавицы Розины. Остроумный дирижер развернувшегося спектакля цирюльник Фигаро придумывает для вельможного графа роли, не очень-то подходящие его высокому сану, — пьяного солдата и туповатого недоросля. Граф, которого Пелагейченко с самого начала наделяет изысканностью манер и сугубо светской привлекательностью, снисходя до подобных забав, становится словно другим человеком. Есть в исполнении этой роли у Эдуарда Пелагейченко и еще один мотив. И истоки его — в старинной итальянской традиции лицедейства. Это — маски. Они ни на минуту не дают забыть о том, что и этим искусством артист владеет умело: сам певец вместе со зрителями подсмеивается над выходками своего героя!

— У Эдуарда Пелагейченко много возможностей, — считает режиссер пермской оперы Леонид Григорьевич Куколев. — Он с одинаковым успехом поет партии лирического плана, такие как Ленский («Евгений Онегин» Чайковского), Фауст («Фауст» Гуно), Джеральд («Лакме» Делиба), Герцог («Риголетто» Верди), так и драматические, трагедийные — Манрико («Трубадур» Верди), Кавардосси («Тоска» Пуччини), Варвик («Бал-маскарад» Верди). И не повторяется. Почему? Думаю, ему необычайно свойственна постоянная работа над собой: он много занимается культурой и совершенствованием вокала, постоянно думает о сценическом рисунке роли, ищет возможности расширения репертуарного диапазона в камерно-вокальной лирике.

Искусство Эдуарда Пелагейченко — в русле лучших традиций русской вокальной школы, русской музыкальной культуры. Сегодня — он среди тех певцов, которые хранят немеркнущий огонь «певучей души России».

С. КОРОБКОВ,
театровед.
Фото Б. Максимова.